

Джон не мог отвести взгляда. Его разум отказывался охватывать то, что он видел, отказывался понимать это. И все же эти крошечные, странные маленькие существа продолжали приближаться к нему. Он понял, что не чувствует от них никакой угрозы. Он понятия не имел, почему так решил, но знал об этом. Он никогда раньше не видел ничего подобного, у него не было возможности понять их.

"Драконы", - выдохнул Лорас. Его голос был настолько хриплым, что его едва можно было разобрать, и слово закончилось сдавленным кашлем. Его руки крепче сжали плечи Джона. Но Джон, даже не задумываясь, высвободился и, присев на корточки, шагнул к маленьким существам.

Самый большой из них, крошечный черный дракончик с белыми пятнами, прыгнул на руку, которую Джон даже не заметил, как протянул ему, и вдруг Джон почувствовал, как какое-то чужое чувство омыло его. Он бы назвал это нежностью, если бы не знал, каково это - обнимать свою Леди-жену и чувствовать, как их ребенок двигается под ее кожей. Это была нежность. Это было совсем другое дело. Тоже сильное чувство, но другое. Более... дикое. Инстинктивное, как и нежность, но только... не такое глубокое. Оно достигло другой части его существа, той самой, которая впервые сказала ему, что Драконий Камень был его домом, той самой, которая звала его вниз в катакомбы в течение многих лет, той самой, которая велела ему проливать свою кровь на камни-яйца, они были яйцами, все те ночи. Собственничество. Эти существа принадлежали ему, были частью его самого, но и он тоже принадлежал им. И еще что-то, что ревело и бушевало где-то внутри него, что-то, что он не мог описать словами.

Он позволил остальным троим взобраться на себя, устроиться на плечах и предплечьях, а затем встал, все еще держа в руке первого из них. Он уткнулся в него носом, как щенок или котенок, расправив крылья вдоль его ладони. Джон едва мог заставить себя дышать, не мог вспомнить как, казалось, не мог вспомнить ничего, кроме огня и крови, которыми он кормил их в течение многих лет.

Лорас снова закашлялся, и на этот раз кашель прозвучал глубоко и по-настоящему болезненно. Джон вышел из оцепенения на достаточно долгое время, чтобы взглянуть на своего друга. Большая часть одежды Лораса была опалена. Он был бледен под копотью, бледнее, чем Джон когда-либо его видел. Каждый вдох, который он делал, звучал тяжело, со свистом вырываясь из его груди. Джон понял, что он придерживается рукой за стену и даже тогда едва держится на ногах. Он снова закашлялся, и из уголка его рта потекла капля крови. В тот же миг разумная часть мозга Джона снова заработала, и он бросился обратно к Лорасу. Драконы, словно почувствовав его намерения еще до того, как он начал действовать, мигрировали в те части его тела, где они не мешали бы ему. Джон обнял Лораса за плечи, позволил ему прислониться к боку Джона, и Джон пошел так быстро, как только мог. Они должны были вернуться на поверхность, и это должно было произойти быстро. Лорасу нужен был Мейстер, и побыстрее. Джон даже не хотел знать, чем он дышал здесь, внизу, чем он тоже дышал, но это не причиняло ему боли раньше и, похоже, не повредит и на этот раз. Беспокойство пульсировало в нем, заставляя его собственную грудь сжиматься. Он заставил себя прибавить шагу.

И все же каждый шаг, казалось, длился целую вечность, а Лорас только сильнее прижимался к нему. Временами Джон наполовину нес его, едва удерживающегося на ногах. Несмотря на то, что Джон только что вышел из небольшого скачка роста, Лорас все еще был выше его и определенно тяжелее, несмотря на всю свою стройность. Обратный путь на поверхность еще никогда не казался таким долгим и трудным.

Как только Джон почувствовал первый легкий ветерок на их коже, втянул свежий, чистый

воздух, он позволил себе передохнуть. Он не был уверен, что Лорас вообще сможет отдышаться до того, как Мейстер закончит свое дело, но если Джон даст ему передышку, чтобы встать на ноги и перестать трястись, возможно, все будет лучше. Лицо Лораса стало пепельно-серым. Он все еще кашлял, и Джон почувствовал, как его охватывает чувство вины. Он вдруг по-настоящему испугался. А что, если с ним действительно что-то не так? А что, если Мейстер Крессен не знает, как ему помочь? Если бы Джон не был таким ребенком, чтобы убежать и дуться, когда он должен был остаться и требовать ответов, если бы он сдержал себя, Лорас не почувствовал бы необходимости бежать за ним, и он не выглядел бы так, как будто сейчас стоит на пороге двери к Неведомому.

Один из драконов, молочно-белый, с фиолетовыми прожилками на чешуе и ярко-фиолетовыми глазами, издал звук, похожий на чириканье, прямо ему в ухо. Джон крепко зажмурился на несколько долгих мгновений. У него закружилась голова. Он не знал, что с этим делать. Он не-

Ему нужно было помочь Лорасу. Обо всем остальном он сможет беспокоиться позже. Стиснув зубы и не обращая внимания на боль в плече и спине, он снова обнял Лораса и потащил его вверх и вперед. Ему даже не пришлось думать об этом, когда его ноги сами нашли проход, который приведет его прямо в покои Лорда. Он протиснулся внутрь и положил драконов на свою кровать. Он разберется с ними позже. "Останьтесь здесь", - сказал он, сам не зная почему, но почему-то он был почти уверен, что они услышали его и намерены подчиниться, по крайней мере сейчас.

Затем он направился к двери, протащил Лораса через свои покои и вышел в коридор, пинком захлопнув за собой дверь. Охранник, стоявший у его двери, вздрогнул и повернулся к ним, но затем, казалось, достаточно хорошо оценил ситуацию, чтобы взять Лораса за свободную руку и помочь Джону добраться до покоев мейстера.

Джон громко постучал, как только дверь оказалась в пределах досягаемости. Он все стучал и стучал, но никак не мог взять себя в руки, чтобы прямо сейчас утруждать себя любезностями. У него перехватило горло. Его свободная рука дрожала. Словно какая-то часть его тела наблюдала за происходящим извне, он видел свое собственное изнеможение, видел, как все вокруг грозит захлестнуть его. Было трудно нормально дышать.

Мейстер Крессен наконец открыл дверь, и раздражение на его лице тут же сменилось беспокойством, когда он увидел открывшуюся перед ним картину. "Входите, входите", - приказал он, быстро пропуская их в комнату для больных. Джон и гвардеец положили Лораса на кровать, и внезапно Джон едва удержался на ногах. Он опустился в ближайшее кресло. Комната, казалось, закружилась вокруг него.

"Позовите мою жену", - сказал он гвардейцу. "Пожалуйста".

И только когда гвардеец, быстро кивнув головой, удалился, Джон понял, что ему тоже следовало спросить Леди Оленну. Она тоже хотела бы быть здесь. А Лорас наверняка захочет ее присутствия. Но тогда, возможно, он позвал Маргери не из-за Лораса, не только из-за него.

Совсем.

"Милорд", - сказал Мейстер, проведя несколько минут за осмотром Лораса, который, по-видимому, заснул. Или был в бессознательном состоянии. Джон надеялся, что это всего лишь сон. "Не могли бы вы рассказать мне, что случилось с Лордом Лорасом?"

Джон глубоко вздохнул, пытаясь взять себя в руки, собраться с мыслями. Где-то в глубине души он не мог не задаться вопросом, знал ли об этом Крессен. Нет, он не мог этого знать,

если даже Бенджен узнал только что. Не мог он быть единственным кто этого не знал. Он судорожно сглотнул. А что, если Лорас знал? Что, если именно поэтому он последовал за ним? Он отогнал эту мысль прочь. Как бы ему ни хотелось не признаваться в этом, он прекрасно понимал, что Лорас последует за ним куда угодно, только потому, что считает, что Джон нуждается в нем. Знает ли об этом Маргери? Он снова сглотнул. На этот раз было больно. И вообще, что это было? Да и что тут было знать? Он мог ослышаться, мог неправильно понять.

В его спальне были драконы. Он не думал, что это было что-то, что он мог неправильно понять.

"Милорд?" Настаивал Мейстер Крессен, невольно вытаскивая Джона из того места, где его собственный разум угрожал затянуть его в свои пучины.

"Мы спустились в катакомбы", - выдавил Джон. Его горло саднило и болело, и он знал, что его голос выходит более хриплым, чем обычно, с большим акцентом, чем обычно. Но это было не то, что мучило Лораса. Это было просто... Боги, как же он устал! Он так устал, и что-то внутри него болело, как открытая рана. "Внизу, в лавовых туннелях. В самой Пасти Дракона, я думаю. А потом Лорас закашлялся, и ему стало трудно дышать. По мере того как мы возвращались на поверхность, все становилось только хуже. Большую часть пути мне пришлось тащить его на себе. Он взглянул на своего шурина, на его пепельное лицо и ожоги на руках и лице. Джон даже не был уверен, когда и как он их получил. И Боги, если бы Джон только соображал быстрее, среагировал уже тогда, когда Лорас впервые начал кашлять. Или обернулся, когда впервые понял, что Лорас следует за ним, хотя там, внизу, он не мог дышать... Он отогнал эти мысли прочь. Да, он был глуп, беспечен и очень плохой друг, но теперь ему ничего не оставалось делать, кроме как молиться, чтобы Лорас поскорее проснулся, и извиниться.

Мейстер Крессен переводил взгляд с одного собеседника на другого, и вид у него был более чем растерянный. "И вы зашли так же глубоко, как и он?" Спросил он.

"Да", - подтвердил Джон. Глубже, но не было причин не умолчать об этом.

Мейстер Крессен жестом указал на другую кровать в комнате, долго оглядывая Джона с ног до головы, словно пытаясь разглядеть его почти сгоревшую одежду и сажу на коже. "Ложись, мальчик", - приказал он, торопливо направляясь к шкафу в углу, где, как Джон знал по опыту, хранились его мази и отвары.

"Я в полном порядке", - сказал Джон.

Мейстер Крессен фыркнул: "Если вы знаете, что для вас хорошо, то ложитесь сами, пока не придет ваша жена, и я попрошу ее сделать это", - сказал он.

Джон поморщился и лег. Было бы неплохо немного отдохнуть, хотя он и знал, что не болен. Кроме того, уникальная смесь резкой брани и нежной заботы Маргери была более действенной, чем любые приказы, которые ему когда-либо отдавал кто-либо другой. Он мог бы это признать, и сделал бы это с радостью. Это была еще одна из тех черт, которые она не начала проявлять до того, как они стали ближе, и как таковая она была ему дорога, даже если ему не нравилось, когда это происходило.

Мейстер Крессен снова пересек комнату, опрокинул в горло Лорасу пузырек с каким-то веществом и принялся намазывать мазью видимые на коже раны.

Дверь открылась, и Маргери вошла внутрь, и как бы Джон ни был рад ее видеть, часть его тоже испытывала тревогу. Ему нравилось, когда над ним суетились, как бы ему ни было неприятно это признавать. Леди Кейтилин удосужилась сделать это лишь однажды. У его Лорда-отца

редко было на это время. Дейси была не из тех, кто суетится из-за кого-то, даже из-за собственного ребенка, а дяди Джона были скорее из тех, кто хлопают его по плечу или быстро крепко обнимают, когда это совершенно необходимо, а затем оставляют его на произвол судьбы. Это была не та суета, которой он боялся. Это было... Он втянул ее брата в опасную ситуацию, бездумно и беспечно. И если она думала, что Джон тоже был в опасности, то он уже представлял, как его отчитывают за риск жизнью.

Сначала началась суета, и он позволил себе расслабиться, позволил себе забыть о том, что за этим последует, и погрузился в ее тихий вздох и то, как ее маленькая, сильная рука гладила его волосы. Еще одна волна усталости захлестнула его. Словно издалека он услышал, как она разговаривает с Крессеном, который все еще был занят работой над Лорасом. Он почувствовал, как мокрая тряпка вытирает сажу с его лица и груди. Послышался еще один вздох, но Джон уже крепко спал.

<http://tl.rulate.ru/book/40965/909584>